

ЗАГОВОР МОРЯКОВ СЕЛИГЕРО-ВОЛЖСКОЙ ФЛОТИЛИИ*

Статья посвящена неизвестным эпизодам истории заговора моряков Селигеро-Волжской флотилии и его раскрытию, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов освещается проблема взаимоотношений бывших флотских офицеров с Советской властью. В приложении публикуются отчеты о состоянии флотилии, сохранившиеся в семейном архиве потомков военного комиссара штаба Северного участка и Петроградского района завесы Л.М.Глезарова.

The article is dedicated to the unknown episodes of the history of the Seligero-Volzhskaia flotilla seamen's conspiracy and its disclosure, at the base of the archive documents, for the first time introduced into a scientific turnover, the problem of relationships of the former naval officers with the Soviet power is highlighted. The records on the flotilla state preserved in the family archive of L.M.Glezarov's descendants, who had been an enlistment officer of the Staff of the Northern sector and Petrogradsky district, are published in the appendix.

Формирование и короткий период существования в 1918 г. Селигеро-Волжской флотилии – одна из малоизвестных страниц отечественной морской истории, которая еще ждет своего исследователя. Сегодня мы расскажем об одном из ключевых моментов истории этой флотилии – о раскрытии антибольшевистского заговора служивших на ней моряков. Настоящая статья подготовлена на основе документов РГВА и ГАРФ, а также уникального архива военного комиссара штаба Северного участка и Петроградского района завесы, а позднее члена РВС Северного фронта Л.М.Глезарова, сохранившегося у его потомков в Москве. О существовании этого собрания до сих пор известно не было, однако в нем оказались сотни ценнейших документов о Красной Армии и флоте на северо-западе страны. В настоящее время материалы архива обрабатываются автором статьи при содействии семьи Глезаровых и, возможно, будут переданы на государственное хранение в РГВА.

Селигеро-Волжская флотилия была сформирована летом 1918 г. История ее возникновения связа-

на с разработкой плана обороны северо-запада РСФСР от возможного немецкого наступления. Авторство этого плана принадлежало бывшему генерал-лейтенанту Генштаба Д.П.Парскому, занимавшему пост военного руководителя Северного участка и Петроградского района завесы. В конце июня – начале июля 1918 г. Парским были составлены секретные «Соображения на случай немецкого наступления». Бывший генерал обоснованно считал, что из-за крайней слабости советских войск столкновения с немцами они не выдержат. Стратегическое положение красных частей было крайне невыгодным. Балтийский флот был дезорганизован, хотя и представлял некоторую боевую силу, но был рассредоточен в районе Кронштадта, на Неве и в Ладожском озере. Красная Армия была не в состоянии упорно обороняться против регулярных германских частей. Поэтому Парский считал необходимым, не принимая боя, всемерно замедлять продвижение противника, например партизанскими действиями. В этом плане особое значение придава-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

лось речным и озерным флотилиям. Предлагалось занять линию обороны по рекам Волхов и Свирь[1]. Парскому удалось за два месяца организовать оборону района между Ладожским и Онежским озерами, районов Олонца и Петрозаводска. Кроме того, под его началом были сделаны первые шаги по обеспечению Онежского театра военных действий разведкой.

В сентябре 1918 г. оказался раскрыт заговор моряков Селигеро-Волжской флотилии в Осташкове во главе с ее командующим, бывшим старшим лейтенантом И.Н.Билибиным[2]. Об этом заговоре известно немного. По одной из версий, командующий флотилией Билибин был участником Ярославского восстания. Однако, думается, эта версия недостоверна. Во-первых, по ней Билибин был убит в боях в Ярославле[3], что не соответствует действительности. Во-вторых, вряд ли участник контрреволюционного восстания мог сразу после него оказаться на руководящем посту в советском военном флоте.

Свет на события в Селигеро-Волжской флотилии проливают воспоминания гардемарина (в 1918 г., позднее – мичмана) П.В.Репина «Селигеро-Волжская флотилия. Кампания 1918 года. Записки белого моряка», которые в рукописном виде хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и которые их автор готовил к изданию, но так и не

опубликовал. Воспоминания были написаны в 1919–1920 гг. вскоре после бегства Репина из Советской России в Финляндию, а в 1935 г. частично отредактированы самим мемуаристом в Чехословакии[4].

Сам Репин происходил из района Селигера (село Кравотынь), причем, по его описанию, в августе 1918 г. Селигер представлял собой «тихое озеро, темные леса, серые домики, зеленые колоколенки – тихий край». По свидетельству Репина, появление на Селигере летом 1918 г. моряков было полной неожиданностью как для него, так и для других местных жителей. Быстро распространились слухи, что приехали не матросы, а переодетые офицеры из тайной организации бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д.П.Парского[5]. Однако весомых доказательств того, что Парский имел какое-либо отношение к антибольшевистскому подполью, пока не обнаружено.

Гардемарин Репин вспоминал о своих умонастроениях лета 1918 г.: «Отвращение к «новому режиму», жажда избавления от «власти народа» были так велики, что тянуло к опасностям и риску. Все равно рано или поздно я должен был переходить в лагерь «своих», на сторону «белых» и в описываемое время я уже не раз с Васей (бывший прапорщик В.Верзин. – А.Г.) поговаривал, как бы удрать к чехословакам, которые в ту пору были где-то на Волге. Таким образом, сейчас мне мог представляться случай, когда, не совершая долгого путешествия к чехословакам, можно было принять участие в борьбе с большевиками здесь, на месте[6]. Подобных взглядов придерживались тогда многие флотские офицеры.

Решив узнать, что за моряки приехали на Селигер, Репин отправился на остров Городомля, где первоначально базировалась флотилия, и убедился в обоснованности слухов о том, что на острове расположились не матросы, а переодетые офицеры. Более того, Репин встретил здесь целую группу своих однокашников по по-

Д.П. Парский

следнему ускоренному выпуску Морского корпуса 1918 г. (А. Балабанов, В. Бобровский, А. Муравьев, В. Юшко).

Однакошники предложили Репину служить вместе с ними. Балабанов поведал о флотилии следующее: «Публику нашу ты видел... Все мы сначала были на отряде быстроходных катеров в Петрограде. Собирались на них «драпать» к англичанам. Но потом получались какие-то инструкции свыше, и нас всех послали сюда. Какие цели – никому из нас неизвестно. Но наш комиссар – парень с головой и ему доверяться можно. Бывший студент, кажется. Он всем и заправляет. Начальником отряда старший лейтенант Билибин. Тоже очень энергичный человек и шутить не любит. А в общем жалование нам платят. Я числюсь боцманом, получаю 500 рублей, и хоть кормят неважно сейчас, но, прикупая кое-что в деревне, с голоду не сдохнешь».

Продолжая агитировать своего товарища, Балабанов дополнил рассказ следующим: «Мы тебе о целях отряда, как я и раньше сказал, ничего сообщить не можем, потому что сами не знаем... Официально мы – красноармейцы, но по составу ты видишь, кто мы. Всего нас здесь на острове и в Осташкове человек двадцать, хотя мы стараемся всюду распространить слухи, что нас больше. Власть в Осташкове нам покровительствуют, и совдеп собирается на нас опираться, к[а]к на самый надежный элемент. Нам настолько доверяют, что, например, третьего дня нам из военного строительства отпустили почти все пулеметы и массу патронов, а сами остались ни с чем. Однако на днях до нас дошли уже слухи, что в деревнях нас считают все же за белых. Пришлось организовать демонстрацию, чтобы рассеять эти слухи. Вчера вечером мы все поехали в город и с оружием появились в городском саду. Начали приставать к женщинам, пели песни и даже прервали оркестр и заставили его играть Марсельезу. Сегодня нам уже передавали, что осташи[7] перестали сомневаться

**Комиссар Северного участка и
Петроградского района завесы
Л.М. Глезаров**

в нашей революционности. Больше рассказывать о себе нечего, делай выводы, какие хочешь, и решай сам, стоит ли тебе пускаться в эту авантюру. Сам бы я участие в ней считал своим долгом...»[8].

Эти сведения созвучны показаниям по делу, данным Билибиным о целях организации: «Набрав мелких судов, вооружив их по возможности лучше, мы будем разыгрывать роль чистейших большевиков. Дела союзников будут идти успешно, и в скором времени они подвинутся к Вологде и Петрозаводску. Мы дадим им огромную помощь по водным путям от озера Ладожского, Онежского и Ильменя вплоть до Волги. Мы должны будем прикрывать наступление от союзников и наступать совместно с нашей армией. Советская власть, полагаясь на нас, пошлет нас куда-нибудь отбить наступление. Наша задача тогда будет подойти ближе к союзникам, перейти на их сторону или, если это не удастся, надо сделать так, якобы вышло недоразумение: не взяты снарядов, которые остались в базе.

Если же наступление союзников на Петрозаводск и Вологду не удастся, то мы сможем временно остановиться в гор. Череповце якобы для ремонта и, выбрав удобный момент, перейти к союзникам (под видом наступления), а в это время, находясь в тылу, будем готовить почву для восстания, посылая своих агитаторов в деревню. Чтобы скорее уничтожить большевизм, необходимо принять все меры к разрушению государственного аппарата, как то: транспорта, продовольствия, всякого рода производства для армии. Поступая в Красную Армию, делать все, чтобы народ имел отвращение к ней, хотя бы и самим пришлось временно от этого пострадать»[9].

Опасаясь мобилизации в Красную Армию, Репин решил пойти на службу во флотилию, хотя и считал, что бывшие офицеры у красных служат своим угнетателям. Вид личного состава флотилии был таков, что, по свидетельству Репина, мог служить иллюстрацией либо к поэме А.С.Пушкина «Братья разбойники», либо к романам Т.Майн Рида и Дж.Фенимора Купера[10].

Название флотилии свидетельствовало о том, что она должна располагаться не только на Селигере, но и в верховьях Волги, в том числе для охраны транспортов с хлебными грузами. На озере для военных целей был пригоден только пароход «Осташков», на Селигерской системе были реквизированы колесный буксир «Александр Беяков» и катер «Селижаровка». Еще для нужд флотилии реквизировали несколько пароходов на Волге. Организационно флотилия подчинялась третьему советскому военному строительству в Осташкове.

По официальной чекистской версии, командовавший флотилией Билибин работал на англичан и якобы должен был силами флотилии содействовать британскому наступлению с севера[11]. Но очевидно, что слабая флотилия катеров и вооруженных пароходов имела оборонительное

значение и без взаимодействия с сухопутными силами никак не могла содействовать наступлению на Петроград от Архангельска и Мурманска, где находились англичане[12]. Разочаровавшись в англичанах, Билибин якобы предложил услуги немцам, через начальника базы флотилии И.М.Лукина связался с петроградской монархической организацией Н.Е.Маркова 2-го и стал выполнять задания немцев. Впрочем, мемуары Репина рисуют другую последовательность переменных политических ориентиров в подполье, о чем будет сказано ниже.

Репин так описывал Лукина: «Это был маленький, довольно полный брюнет в морской тужурке, заросший торчавшими во все стороны щетинистыми усами и бородой, по-видимому, первый раз в жизни отпусавшимися». Портрет Билибина иной: «Через несколько минут из-за деревьев по дорожке вышел большими шагами на полянку высокий брюнет в черной морской тужурке с черными костяными пуговицами, яхт-клубской фуражке и желтых замшевых перчатках. Заросшее энергичное лицо с густыми нахмуренными бровями было мне незнакомо. Он, точно не замечая меня, прошел мимо прямо к Лукину, и, козырнув, поздоровался с ним...»[13].

Сам Репин не стремился втягиваться в подпольную борьбу и заговоры, но нужно было принимать какое-то решение. Уговаривали его не только товарищи по корпусу, но и Лукин, заявивший: «Вы же гардемарин, Вас здесь знают, а живетесь Вам, наверное, сейчас несладко, а здесь интересное дело... Поступайте к нам. Публика здесь, как я заметил, для Вас более или менее знакомая, служба хоть и у большевиков, да не большевистская, денег будете получать достаточно; по-моему, Вам и решать ничего не надо... Наш отряд, называемый Селигеро-Волжской флотилией, создан по проекту генерала Парского для обороны линии Полоцк – Новгород от вторжения немцев в Россию. Официально мы

матросы или просто военные, никакой политикой не занимающиеся, а поставленные для охраны границ государства. Неофициально, и это, конечно, между нами, мы люди, верные своему долгу, люди, помнящие законную Царскую власть и готовые встать на первый призыв свыше против всяких большевиков и компании. Мы – теперь уже не та гнилая интеллигенция, которая довела Россию до катастрофы, а люди, помнящие присягу и верность Престолу. Думаю, что для Вас, как сына офицера, этого достаточно»[14].

Монархист и германофил Лукин был наивно убежден, что не далее как «через месяц тишь да гладь на Руси будет». Репин же был нужен заговорщикам как знаток селигерского района. Руководители заговора были уверены в полном успехе, хотя никаких оснований для такой уверенности не было (уровень подготовки мятежа был таков, что Билибин расспрашивал Репина о том, возможно ли успешное восстание в этом районе). Правда, комиссар флотилии А.П.Калмыков, бывший председатель академической группы петроградского Политехнического института, тоже оказался на стороне заговорщиков.

Несмотря на контрреволюционные разговоры, активной подпольной работы на флотилии не велось. Репин вспоминал, что ему было непонятно, занимается ли в действительности флотилия какой-то борьбой или все это фикция, поскольку противостояние большевикам, как ему казалось, ограничивалось одними разговорами. Чтобы не попасть под подозрение, моряки ходили с оружием и развязным видом распугивали жителей, изображая революционных матросов[15].

Вместе с тем чины флотилии участвовали в арестах контрреволюционеров в районе Селигера, усмиряли контрреволюционное выступление в селе Селижарово. Комиссар флотилии Калмыков телеграфировал комиссару Северного участка и Петроградского района

завесы Л.М.Глезарову в сентябре: «По просьбе осташковского исполкома отряд флотилии девятого сентября выезжал [в] село Кикарево Ждановской волости для ареста местных контрреволюционеров, сегодня по поручению уездного военно-политического совета выезжаю в несколько сел Сосвицкой волости для ареста разогнавших комитет бедноты, завтра предстоит поездка в Устинскую волость, где были серьезные выступления против Советской власти и где пострадал коммунист товарищ Шушарин. Подробности сообщу[м] дополнительно. Комиссар Калмыков»[16].

Комиссар Калмыков, судя по прилагаемому к данной публикации докладом о состоянии флотилии, адресованным комиссару Глезарову, стремился продемонстрировать большевистскому руководству бурную деятельность как в борьбе с контрреволюцией, так и в организационном отношении. Его доклады отличались восторженным тоном, комиссар рапортовал почти исключительно лишь об успехах. Тем более, что работа действительно кипела. Предполагалось расширение флотилии и формирование трех отрядов – Осташковского, Ржевского и Тверского, что осуществлялось в сентябре 1918 г. В Твери на пароходы устанавливались трехдюймовые горные орудия (было получено шесть орудий, 14 пулеметов и 100 винтовок). Более широкой организационной работе мешало раскрытие заговора на флотилии.

В связи с захватом чекистами здания британского посольства в Петрограде 31 августа 1918 г. существовал риск обнаружения компрометирующих флотилию документов[17]. В ночь на 29 сентября возвращавшиеся из Петрограда Билибин с супругой (художницей-прикладницей Петроградского фарфорового завода) были арестованы петроградскими чекистами в поезде на станции Бологое. В то же время у разъезда Козино чекисты обстреляли из револьверов

пароход флотилии, подошедший для встречи Билибина. С парохода ответили пулеметным огнем. Вследствие инцидента несколько заговорщиков были вынуждены бежать. Чекисты же получили удобный повод для арестов в Твери, Новгороде, Тихвине, Бологом и в других местах[18].

По воспоминаниям Репина, находившегося тогда уже на Волге, а не на Селигере и не имевшего информации из первых рук, параллельно с арестом Билибина местный совет в Осташкове попытался разоружить флотилию, из-за чего и произошел конфликт. Перестрелка при встрече Билибина сделала конфронтацию необратимой. Испортив часть оружия и техники, группа заговорщиков во главе с заместителем комиссара флотилии Герчиковым бежала с Селигера, а в конце октября 1918 г. флотилия была ликвидирована[19]. Пять пароходов флотилии были отправлены по железной дороге в Вологду, где предполагалось установить на них орудия и затем направить в Котлас для включения в состав Северо-Двинской флотилии. Другая часть была направлена на усиление Ильменской флотилии, включенной затем во флотилию Онежского озера.

После ареста Билибина служащие флотилии опасались разбежаться, чтобы не скомпрометировать своего командира. Тем не менее они оказались под наблюдением чекистов и многие были арестованы. Председатель осташковского исполкома Зуев 1 октября телеграфировал в Петроград военному комиссару Л.М.Глезарову: «Состав Селигер[ской] флотилии оказался [из] белогвардейцев, которые бежали перед арестом. Начальник арестован, находится [в] Петрограде, Гороховая, 2»[20].

Из Твери Глезарову была направлена следующая телеграмма: «Просим срочно приехать или прислать комиссию разобрать дела, связанные [с] арестом чинов Сел[и]герфлота. За комиссара член Чрезвычайной комиссии Круглов. Начальник 3 отряда Кедров».

Дополнительные сведения, полученные Глезаровым из Петрограда, проливают свет на ход арестов. В одной из телеграмм сообщалось: «Испытание канонерок состоится только 12 октября. Вчера говорил по телефону [с] Борисовым [из] Твери. Арестовано 16 человек. Наблюдающим [за] флотилией временно оставлен комиссар, выделенный тверской коммунистической партией... Ионин»[21].

Билибин содержался в доме предварительного заключения в Петрограде, а остальные арестованные (по данным уцелевших, порядка 7 человек) – в Дерябинской тюрьме. Доказательств по делу не имелось, поскольку документы успели уничтожить. По свидетельству Репина, за исключением Билибина, арестованные по делу были освобождены с обязательством служить большевикам.

Билибин, по данным семьи, был расстрелян в феврале 1919 г., по другой версии это произошло в апреле 1919 г. Факт его расстрела подтверждает и Репин[22]. К сожалению, более точных данных о его судьбе нет. 27-летняя супруга Билибина освободилась и уехала в Великобританию, где вышла замуж за банкира.

Уцелевшие возлагали всю вину за провал на Лукина, который занимался лишь собственным спасением. В результате только случайно о раскрытии организации было дано знать в Осташков (для тамошних заговорщиков это было неважно, так как у них уже произошел конфликт с местным советом) и в Тверь. Член организации Романовский отравился. Комиссар флотилии Калмыков сумел избежать ареста. После месячного пребывания на нелегальном положении Лукин при помощи немцев бежал в Финляндию. В Псков, где члены организации собирались встретиться в случае неудачи, почти никто не поехал.

Уже в Финляндии, общаясь с Лукиным и другими бежавшими, Репин узнал подлинную историю событий. Как выяснилось, заговорщики на

Селигере представляли лишь часть подполья. Якобы во главе всего дела стоял генерал Н.Н.Юденич, что противоречит прогерманской ориентации подпольщиков. Селигерские моряки должны были пропустить немцев из Полоцка в случае их наступления. По всей видимости, аналогичным малопочтенным образом предполагалось действовать и на других флотилиях – Чудской и Волхово-Ильменской. Вполне возможно, связаны с подпольем были и руководители Морских сил реки Невы и Ладожского озера.

Связями с германским штабом на Селигере ведал Лукин, Билибин же занимался исключительно строевыми вопросами, а с большевиками взаимодействовал комиссар Калмыков. Репин писал: «Но, вопреки всему, немцы в назначенный срок не выступили и все организации остались как рыбы на мели. Наступила общая растерянность». Тогда Билибин и Калмыков переориентировались на англичан, а Лукин продолжил сотрудничать с немцами. По свидетельству Репина (имевшего основания считать себя случайным участником фактически неизвестного ему заговора), англичане даже выдали Билибину деньги для перевода флотилии в Котлас. После переговоров с англичанами Билибин, возвращавшийся из Петрограда, и был арестован. Сам Репин подводил неутешительный итог: «Вообще, надо сознаться, дело нашей флотилии не из блестящих, наши руководители оказались далеко не на высоте своего положения»[23].

С монархической организацией Маркова 2-го, по версии чекистов, сотрудничал штаб 1-го советского корпуса и штаб Северного участка и Петроградского района, в оперативном отделении которого служил бывший ротмистр В.Г. фон Розенберг – выпускник ускоренных курсов военной академии. Целью организации был захват Петрограда. Но Розенберг еще 27 августа 1918 г. подал рапорт об увольнении в двух-

месячный отпуск по болезни (страдал стенокардией и сердцебиением) с сохранением содержания и возможностью выехать за границу – в Польшу или Прибалтику, и 31 августа был уволен от службы[24]. В октябре вместо того, чтобы вернуться в РККА, он появился в оккупированном немцами Пскове и поступил на службу в антибольшевистскую Северную армию.

Удивляться наличию множества тайных офицерских организаций в тот период не приходится. Сохранилось немало свидетельств повсеместного вовлечения бывших балтийских морских офицеров в различные подпольные группировки. Как вспоминал капитан 1 ранга Г.Е.Чаплин, «должен сказать, что к маю 1918 года я не избежал общей участи и состоял в рядах “тайной” офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге (так в тексте. – А.Г.) имя было легион... я прекрасно сознавал всю беспомощность нашего положения». По другому свидетельству, «Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками»[25].

Раскрытие организации могло привести к репрессиям в отношении различных ее подразделений. И события на Селигере не были исключением. О нелояльности командного состава речных и озерных флотилий свидетельствовали не только события в Селигеро-Волжской флотилии, но также измена командующего Чудской озерной флотилией бывшего капитана 2 ранга Д.Д.Нелидова, уведшего к белым в Псков в конце октября 1918 г. три парохода[26]. Изменами моряков был возмущен комиссар штаба Северного фронта Л.М.Глезаров.

События на Селигеро-Волжской флотилии продемонстрировали поразительную недалекость руководителей заговора – бывших офицеров. Объединяясь в многочисленные, но нередко существовавшие лишь в головах самих участников и реально не функционировавшие под-

польные организации, «заговорщики» подвергали себя смертельному и напрасному риску. В обстановке «красного террора», когда для расстрельного приговора даже не требовалось каких-либо доказательств вины (вполне достаточно было принадлежности к «эксплуататорским классам», к которым, разумеется, относились и бывшие офицеры, либо подозрений), подобное поведение было в высшей степени наивным. Большевики жестоко расправлялись с такими проявлениями нелояльности, даже не дожидаясь активных действий со стороны подполья, чем в значительной степени сумели парализовать подпольную работу своих противников.

Приложения

Отчеты комиссара А.П.Калмыкова о состоянии Селигеро-Волжской флотилии. Август – сентябрь 1918 г.

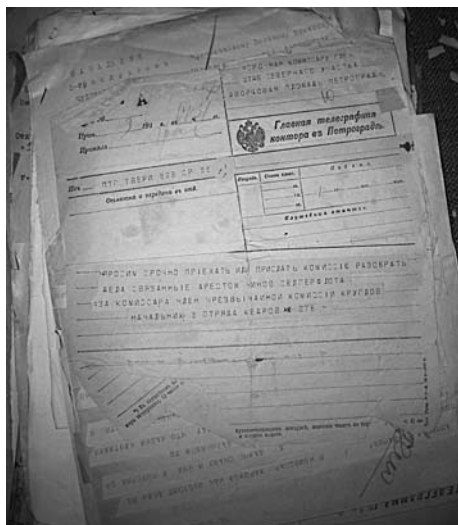
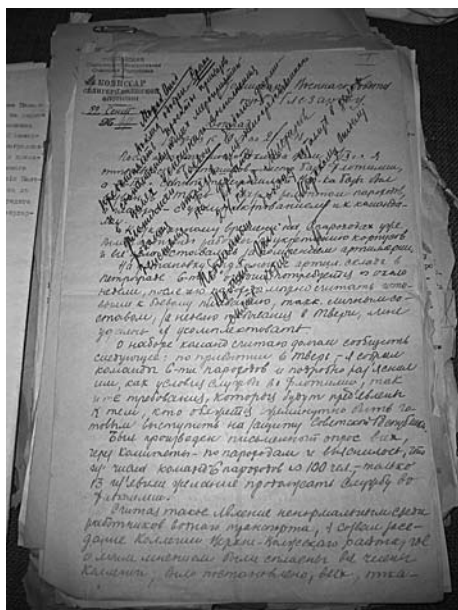
Документ 1. Отчет за период 20–31 августа 1918 г.

Российская Социалистическая
Федеративная Советская
Республика
Военный Совет Северного участка
Селигеро-Волжская флотилия
Военный комиссар
1 сент[ября] 1918 г. № 25
Петроград
Комиссару Военного Совета
тов. Глезарову
отчет за время с 20–31/авг[уста]

I часть – политическая

В дополнение к телеграмме моей от 27-VIII из г. Осташкова, в которой я извещал Вас, что по просьбе уездного исполкома выезжал на автомобилях с отрядом моряков флотилии в село Селижарово и арестовал выступавших против Советской власти, считаю необходимым сообщить следующее:

Селижаровская волость, а в особенности село Селижарово, отлича-

Документы из архива семьи Глезаровых

лись своей особой враждебностью к Советской власти.

Волостной Исполн[ительный] Комит[ет] по своему составу был настолько реакционен, что Уездный Исполком вынужден был распустить его, распорядившись передать все дела временно особой комиссии, которая, ввиду сильной агитации лиц, принадлежащих к партии прав[ых] с[оциалистов]-р[еволюционеров], совершенно не могла приступить к работе.

Все посылаемые в эту волость от Уездного Исполкома должностные лица встречали сильное противодействие и подвергались насилию.

После совещания с осташковским исполкомом мы пришли к убеждению, что единственным средством заставить подчиниться власти, – это арест всех агитаторов и подстрекателей, каковыми считались: врачи Жуков и Щукин, лидеры мест[ных] прав[ых] с[оциалистов]-р[еволюционеров] два брата Ветлицы (один из них бывший земский начальник), крупный арендатор Редькин, местные богатеи братья Шутовы, Соколов и пр.

Председатель Исполкома тов. Зуев решил в последний раз попытаться заставить распущенный Совет сдать дела и выехал в Селижарово, но дело приняло такой оборот, что он вынужден был телеграфировать о немедленной присылке отряда, что и было исполнено.

Выехав с отрядом в 20 чел. около 9 час. вечера на 2 грузовых и 2 легковых автомобилях с 3 пулеметами из Осташкова, мы прибыли в Селижарово около 2 час. ночи, сделав около 70 верст по очень плохой дороге.

Были арестованы, доставлены в Осташков и переданы в распоряжение следственной комиссии: д[октор] Жуков, Соколов, братья Шутовы, куп[ец] Гоков, – всего 5 чел., остальные скрылись, вероятно, будучи предупреждены о присылке отряда. Жертв ни с той, ни с другой стороны не было, но, по сообщ[ению] Исполкома, прибытие отряда моряков с пулеметами произвело надлежащее действие, на следующий день передача дел была произведена беспрепятственно, даже в соседних волостях агитаторы правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] значительно сократили свою деятельность, а некоторые – скрылись совсем.

Исполком сделал предупреждение во всех волостях, что при малейшей попытке к противодействию будут приняты решительные меры со стороны отряда флотилии, а мне, как

комиссару, Исполкомом выдано удостоверение на право ареста всех агитирующих против Советской власти.

II. (по технич[еской] части)

Все 15 пароходов, реквизированных, уже приняты флотилией, а прибыли в Ржев пароходы: Анатолий, Петроград, Весьегонск, Беляков, Тверяк, Девет, Соперник, Голубка, Борис, Устюжанин, Селижаровка, всего 11; в Рыбинске остались пар[охо]ды: Баку, Михаил Ярославич и Георгий, которые не могут ходить выше Твери.

Установка артиллерии будет производиться средствами мастерских Морозовской фабрики в г. Твери, которые вполне оборудованы и могут быть использованы для указанной цели.

Через Главное артиллерийское управление получен наряд на орудия и пулеметы на склады окруж[ного] Петр[оградского] ар[тиллерийского] упр[авления], а на огнестрельные припасы – на склады Яросл[авского] окруж[ного] упр[авления].

Приемщики отправлены; артиллерия отсюда будет отправлена по жел[езной] д[ороге], а снаряды из Рыбинска – на пароходах флотилии под охраной своих команд.

В Осташкове начато оборудование плавучей мастерской для ремонта пароходов, а главное, катеров, которые предоставлены в наше пользование III военным строительством.

Должен отметить полное содействие, которое оказывают флотилии Советы в Осташкове и Твери.

Врем[енный] комиссар
А.Калмыков
*Архив семьи Глезаровых
(Москва). Подлинник. Автограф.*

Документ 2. Отчет за период 10–21 сентября 1918 г.

Российская Социалистическая
Федеративная Советская Республика
Комиссар Селигеро-Волжской
флотилии
«22» сент[ября] 1918 г. № 44

Комиссару Военного Совета
тов. Глезарову
Доклад /27/ за время с 10-IX
по 21-IX / [19]18

После личного моего доклада Вам 10/IX с.г. я отправился в Осташков – место базы флотилии, а 11-IX с.г. срочной телеграммой нач[альника] базы был вызван в Тверь в связи с ремонтом пароходов, а главное – с укомплектованием их командами.

К указанному времени на 6 пароходах уже были закончены работы по укреплению корпусов и все дело оставалось за получением артиллерии.

На установку выданных с артилл[ерийского] склада в Петрограде 6-ти 3" (здесь и далее – трехдюймовых. – А.Г.) орудий потребуется [знак примерно] около недели, после чего пароходы можно считать готовыми к боевому плаванию, так к[ак] личным составом за неделю пребывания в Твери мне удалось их укомплектовать.

О наборе команд считаю долгом сообщить следующее: по прибытии в Тверь я собрал команды 6-ти пароходов и подробно разъяснил им, как условия службы во флотилии, так и требования, которые будут предъявлены к тем, кто обяжется ежеминутно быть готовым выступить на защиту Советской Республики.

Был произведен письменный опрос всех через комитеты по пароходам и выяснилось, что из числа команд 6 пароходов [знак примерно] 100 чел., – только 13 изъявили желание продолжать службу во флотилии.

Считая такое явление ненормальным среди работников водного транспорта, я созвал заседание коллегии Верхне-Волжского района, где с моим мнением были согласны все члены коллегии, было постановлено всех отказывающихся служить во флотилии без уважительных причин исключить из Союза речников и моряков, а для разъяснения дела и агитации 15/IX был устроен митинг, где принимали участие судовые команды

волжских пароходов, работники водного транспорта, рабочие и члены коммунистической партии.

На собрании я разъяснил положение дел и призывал сознательных работников содействовать организации дела, к тому же горячо призывал и тов. Круглов, которому после моего обращения в окруж[ной] комит[ет] коммунистической партии было дано специальное поручение оказывать содействие формированию флотилии и который действительно во многом помог мне.

Общим собранием было принято решение вести самую широкую агитацию среди сознательных и стоящих на стороне Советской власти моряков и речников, агитацию за вступление во флотилию, а всех уклоняющихся и не желающих служить в Красной Армии без уважит. оснований исключить из числа работников водного транспорта.

Последнее постановление имеет особенно важное и принципиальное и практическое значение, так как применение его дает возможность работу в волжском речном флоте предоставить истинным пролетариям: рабочим-машинистам, кочегарам, матросам военного флота, а не тем «хозяйственным мужичкам», которые, имея по 100–200 десятин, целыми семьями служили на пароходах, главным образом с целью спекуляции продуктами.

Агитация на собраниях и митингах, обращение в партию коммунистов имели последствием то, что число желающих служить во флотилии превысило полагающееся по штату и можно было делать выбор.

Некоторые пароходы, как «Петроград», укомплектованы почти сплошь коммунистами.

Упомянутые 6 пароходов представляют из себя мелководные буксиры с железной палубой, с мощными машинами и отличным управлением.

Эти 6 пароходов вместе с пар[оходом] «Тверь», с разв[едывательным] пар[оходом] «Зорька» и для связи кат[ером] № 17

составляют III боевой отряд флотилии, район действия которого начинается от г. Старицы до Твери и ниже.

II отряд судов составляют более мелкие буксиры, числом 6, пар[оход] «Молога» и разв[едывательный] к[атер] № 17 – отряд обслуживает район реки Волги от г. Ржева до Старицы.

Река Селижаровка, озеро Селигер и верхи Волги до г. Ржева обслуживаются 3 пароходами и 5 катерами, которые сост. I отряд.

На Селигере устроена и база флотилии. Несомненно, наиболее важное значение приобретает III отряд судов, обслуживающий район от г. Старицы до Твери и ниже, а также притоки р. Волги в указанном районе, на который мною и обращено наибольшее внимание.

Хотя политические условия на западе России изменились и нет необходимости в тех мерах предосторожности, которые принимались в 1-й половине прошлого месяца, но зато положение на востоке, а в частности на нижнем течении Волги, по-прежнему требует напряженной борьбы и состояния полной боевой готовности.

В этом отношении существование Селигеровской флотилии, даже как Верхне-Волжской, имеет свое значение.

На обязанности ее может [быть] возложено формирование не только отдельных судов и отрядов, но и подготовка их к немедленному выступлению в боевое плавание на нижнем течении Волги.

Флотилии можно было бы не только поставить задачей содействовать судоходству, изучать фарватер и т.п., как указывается во Врем[енном] Полож[ении] об озерно-речных флотилиях, но и возложить на нее обязанность в известные, весьма короткие сроки выставить определенное количество судов, вооружить, снабдить и укомплектовать их вполне пригодным в боевом и политическом отношении личным составом.

С этой задачей при условии надлежащих полномочий со стороны Во-

енного Совета и при том полном содействии, которое оказывает местная власть, справиться с успехом можно.

В этом отношении Тверь как база, где имеются прекрасно оборудованные мастерские, где еще не исчерпан прочный людской резерв, как я убедился из опыта, является вполне подходящим пунктом.

Конкретно: флотилии по расп[оряжению] тов. Позерна выдано 6 3" орудий, которые уже отправлены в Тверь; по прибытии этих орудий в недельный срок они будут установлены на пароходах: «Петроград», «Девет» и «Весьегонск», и эти пароходы, снабженные всем необходимым, по Вашему распоряжению могут отправиться в боевое плавание.

Если Вы дадите распоряжение об отпуске для флотилии еще 6 орудий и соответствующего количества пулеметов, то в указанный выше срок можно будет вооружить еще три парохода: «Баку», «Анатолий» и «Ярославич».

Если за флотилией будет признано боевое значение и будет дано задание: вооружить, снабдить и укомплектовать определенное число судов, то при указанных условиях и в сроки, поименованные выше, это будет исполнено.

Опасаться, что с подавлением контрреволюции на нижней Волге суда эти не понадобятся, а следовательно, деньги на ремонт и вооружение будут затрачены непроизводительно, не приходится, ибо как раз к этому моменту, когда Волга будет очищена от белогвардейцев, когда по ней пойдут хлебные и проч. грузы и когда потребуются чрезвычайное напряжение всех плавучих перевозочных средств, суда флотилии, почти все буксирного типа, будут самыми пригодными для указанной цели.

Они будут буксировать грузы, а будучи вооруженными – и охранять их.

Судовые команды будут, несомненно, более способными к напряженной работе, так к[ак] при зачислении обращалось внимание и на сознательное отношение к делу и к трудовой дисциплине.

Таким образом, из личных наблюдений и из собеседований с представителями власти на местах можно вынести заключение, что флотилия нужна.

Она может оказать значительную помощь тем отрядам, которые действуют на нижнем течении, ее существование вообще положит предел той бессистемности, которая наблюдается теперь в организации охраны судоходства и берегов.

Если высказанные соображения будут признаны заслуживающими внимания и на флотилию будут возложены определенные выше задачи, то можно ручаться за полный успех дела и вся работа получит смысл.

Времени до окончания плавания по Волге еще достаточно, а использовать его при известной энергии возможно вполне.

А. Калмыков
*Архив семьи Глезаровых
(Москва). Подлинник. Автограф.*

Примечания

1. РГВА. Ф. 37562, оп. 1, д. 6, л. 13, 14, 17.
2. Подробнее об И.Н.Билибине см.: Пинтовская Ю.Е. Билибины: История рода, воспоминания, письма, стихи. – Калуга, 2008. С. 123–127.
3. Там же. С. 127.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6023, оп. 1, д. 3, л. 3. Воспоминания Репина были положены в основу современного исторического романа его племянницы А.В.Репиной «Черный гардемарин. Судьба и время» (М., 2008). Значительная часть романа представляет собой простой пересказ этих воспоминаний, вместе с тем некоторые факты, связанные с событиями на Селигеро-Волжской флотилии, оказались искажены.
5. Там же. Л. 5, 8, 9.
6. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 3, л. 10.
7. Т.е. жители Осташкова.
8. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 3, л. 15–17.

9. *Лацис (Судрабс) М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. – М., 1920. С. 31–32.

10. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 2, л. 13, 23; д. 3, л. 33об; д. 3, л. 51.

11. *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). – М., 1960. С. 117.

12. Подробнее о составе флотилии см.: Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2 (Северо-Запад). Ч. 2. Озерные и речные флотилии. – Л., 1926. С. 159.

13. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 3, л. 14, 30.

14. Там же. Л. 27–27об.

15. Там же. Л. 29об., 31; оп. 1, д. 2, л. 62.

16. Архив семьи Глезаровых (Москва).

17. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 2, л. 62об.

18. *Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Кн. 1. – Л., 1989. С. 201–202.

19. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 2, л. 74об., л. 81об.

20. Архив семьи Глезаровых (Москва); ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 2, л. 63.

21. Архив семьи Глезаровых (Москва).

22. ГАРФ. Ф. Р-6023, оп. 1, д. 2, л. 98об.

23. Там же. Л. 97–97об., 98–98об.

24. РГВА. Ф. 862, оп. 2, д. 17, л. 65, 71, 190.

25. Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. – Архангельск, 1993. С. 48, 109.

26. *Корнатовский Н.А.* Борьба за красный Петроград. – М., 2004. С. 55.

27. На документе резолюция: Морск[ой] отд[ел]. Доклад одобрен. Срочно представить проекты приказов и соответствующих мероприятий в целях успешного выполнения флотилией боевой задачи формирования отрядов для непосредственного действия на фронте. 24. IX. 18. Л.Глезаров. Подлинный доклад оставить в делах полит[ического] отд[ела], морскому отделу снять копию. ЛГ. На документе имеются пометки о снятии копии и возвращении доклада 3–4 октября 1918 г.

А. Ганин

Все иллюстрации из архива семьи Глезаровых публикуются впервые.

Ключевые слова: Селигеро-Волжская флотилия; заговор; ВЧК; военспецы; Д.П.Парский; Л.М.Глезаров; И.Н.Билибин.

Key words: the Seligero-Volzhskaya flotilla; conspiracy; the CHEKA; military specialists; D.P.Parsky; L.M.Glezarov; I.N.Bilibin.